

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

**МИКЕЛАНДЖЕЛО.
ГНЕВ ФОРМЫ -
рождественно-психологический
исторический рассказ**

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ МИКЕЛАНДЖЕЛО. ГНЕВ ФОРМЫ - Художественно- психологический, исторический рассказ

<https://litres.ru/74456974>

SelfPub; 2026

Аннотация

«МИКЕЛАНДЖЕЛО. ГНЕВ ФОРМЫ» - художественно-психологический, исторический рассказ с философской основой.

Это произведение не столько о Микеланджело и даже не столько о создании скульптуры, сколько о борьбе художника с самим собой. Мрамор здесь становится не просто материалом, а своеобразным зеркалом человеческой души. Чем больше мастер освобождает камень от лишнего, тем больше лишнего обнаруживает в самом себе.

И именно это — главное достоинство рассказа.

«Художник всю жизнь думает, что он освобождает камень. А приходит день, когда понимает: всё это время камень освобождал его».

Это уже не просто размышление о скульптуре. Это универсальная мысль о творчестве вообще.

Писатель тоже всю жизнь думает, что создаёт произведение. Но в действительности произведение постепенно меняет самого писателя.

Поэтому рассказ способен выйти за пределы истории Микеланджело и стать рассказом о любом настоящем художнике.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
МИКЕЛАНДЖЕЛО. ГНЕВ
ФОРМЫ - Художественно-
психологический,
исторический рассказ

МИКЕЛАНДЖЕЛО. ГНЕВ ФОРМЫ -

Художественно-психологический,

исторический рассказ

1. Камень, который не хотел быть статуей

Он всегда начинал с тишины.

Но это была не та тишина, которую любят поэты, — мягкая, задумчивая, располагающая к воспоминаниям. В мастерской Микеланджело тишина была иной. Она словно сопротивлялась человеку, ожидая первого удара, и в этой тишине уже заключался спор, который ещё не начался.

Перед ним лежала огромная глыба белого мрамора. Она казалась совершенно спокойной, почти равнодушной. И именно это спокойствие раздражало его.

Помощник, наблюдавший за мастером, сказал:

— Это просто камень.

Микеланджело не обернулся.

— Нет, — ответил он. — Это то, что ещё не призналось собой.

Помощник промолчал. Он давно уже привык к странным словам мастера и знал, что спорить с ним о мраморе так же бесполезно, как убеждать человека в том, что он должен видеть мир таким, каким его видят другие.

Микеланджело взял молоток. Первый удар был осторожным, почти пробным. Он не столько ударил, сколько задал вопрос. Мрамор ответил сопротивлением.

Мастер усмехнулся.

— Значит, ты здесь.

— Кто? — спросил помощник.

Микеланджело посмотрел на белую поверхность.

— Форма.

Он снова поднял молоток.

С тех пор прошло много дней, и никто, кроме него самого, не мог сказать, сколько именно. Время в мастерской измерялось не часами, а ударами инструмента, количеством каменной пыли на полу и теми мгновениями, когда Микеланджело вдруг отступал на несколько шагов и долго смотрел на работу, словно ожидал от неё ответа.

В Риме тем временем ждали результата.

Заказчики не понимали, почему человек, которому дали камень, инструменты и срок, не может просто выполнить работу. Для них искусство было прежде всего трудом, а труд имел начало, середину и конец. Микеланджело же знал, что между человеком и произведением искусства существует нечто такое, чему нельзя назначить срок.

Однажды во дворце его спросили:

— Мне нужна работа, достойная Рима. Вы понимаете?

Микеланджело ответил:

— Рим не помещается в камень.

— Тогда сделайте так, чтобы поместился.

Мастер ничего не сказал. Он понимал, что перед ним не просто заказчик. Перед ним была власть, которая привыкла считать, что всё существующее принадлежит её воле. Но

мрамор не принадлежал никому.

Вернувшись в мастерскую, он снова подошёл к глыбе. Он работал ночами. Удар, осколок, пыль, дыхание. Иногда он останавливался и закрывал глаза, словно пытался услышать что-то внутри камня.

И однажды, когда очертания будущей фигуры стали уже различимы, помощник спросил:

— Что с вами?

Микеланджело долго смотрел на мрамор.

— Он уже был там.

— Кто?

— Тот, кого я пытаюсь увидеть.

Помощник улыбнулся:

— Но ведь это вы его создаёте.

Микеланджело впервые посмотрел на него почти сердито.

— Нет. Я только убираю лишнее.

С этого дня работа стала для него ещё более мучительной. Он перестал воспринимать мрамор как материал. Камень сделался противником, но противником особенным: он не нападал, не защищался, не говорил и не двигался. Он просто не отдавал человеку того, что, как казалось мастеру, уже существовало в его глубине.

Иногда форма словно соглашалась появиться. Иногда, напротив, закрывалась, и тогда каждый следующий удар казался ошибкой.

Микеланджело злился.

Однажды ночью он бросил молоток на пол.

— Почему ты не становишься тем, чем должен быть?!

В мастерской было тихо.

Помощник, находившийся у двери, не решался войти.

Через некоторое время он всё-таки сказал:

— Может быть, форма вообще не существует заранее?

Микеланджело повернулся к нему.

— Тогда почему я её вижу?

Ответа не последовало.

И именно тогда художник впервые почувствовал, что спорит уже не с камнем. Вопрос был гораздо страшнее: может быть, художник вовсе не создаёт форму, а только вступает в конфликт с тем, что уже существует в его сознании и в самой материи?

Он поднял молоток. Работа продолжилась. Медленно, яростно, точно. И камень словно начал сдаваться. Но Микеланджело понимал: он не ломается. Он раскрывает то, что до сих пор скрывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.